

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ИСТОРИОГРАФИИ И БИБЛИОГРАФИИ
ISSUES OF METHODOLOGY, SOURCE STUDIES, HISTORIOGRAPHY
AND BIBLIOGRAPHY

Серия «Политология. Религиоведение»

2011. № 2 (7). С. 255–262

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 343.81(47)(063)

**Политическая ссылка Восточной Сибири
в воспоминаниях Е. К. Брешковской
(по материалам ГАРФ). Часть 2***

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Данная статья – часть воспоминаний известной народницы, а затем социалистически-революционерки Е. К. Брешко-Брешковской, написанных ею уже в конце 1920-х гг. и ранее не опубликованных. Брешковская вспоминает свою ссылку в Восточную Сибирь в 1910–1917 гг. Подлинник рукописи хранится в ГАРФ.

Ключевые слова: политическая ссылка, Киренск, Якутск, Иркутск, этап, колонии ссылных, связи с Россией.

С первым этапом меня все-таки не отправили, и только со вторым в июне месяце. Несмотря на все протесты М. И., меня вывели из тюрьмы и приобщили к партии, идущей по направлению к Якутску. Меня, как малосильную старуху, водрузили на мешки на телегу, а молодежь шла кругом, кто побрякивая кандалами, а кто маршируя вольно в одном арестантском белье. Лето было знойное, черная пыль поднималась густым облаком, когда шли сотни ног по дороге и ехало десятков подвод с «бутором». Пыль эта ела глаза, набивала ноздри, засыпала лицо и всю одежду. Люди шли черные, как арапы.

Наша партия должна была завернуть в Александровскую тюрьму, оттуда высылались 300 каторжан, тоже в Якутскую область. «Политических» женщин было немного, так что мы все могли поместиться на одной телеге. Не было и уголовных женщин, зато мужчин было несколько сот и когда мы подошли к Бурятской степи, по которой партия переправлялась на лошадях, то потребовалось около 100 двуколки и столько же лошадей, чтобы разместить по 4 человека на каждой двуколке и кое-где по 5–6 человек. Буряты, отбывавшие эту повинность, ворчали и большей частью бежали рядом со своим конвоем до следующей остановки, где снова созывались «хозяева», сгонялись лошади с пастбищ, а мы, расположившись бивуаком, варили чай и закусывали, кто чем мог.

* Окончание. Начало см.: Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1.

Партия наша была малоимущая – у многих совсем не было средств, кроме кормовых 15 коп., а потому все средства мы сложили вместе и поручили «старосте» и его помощнику расходовать деньги на «общий котел» по их мудрому усмотрению. К нашему благополучию одна добрая московская фирма, имевшая много своих коммерческих дел на Лене, сооблаговолила дать знать своим магазинам, чтобы они отпускали свои товары по моему требованию, что мне и было сообщено на пристани Качуг. Так как мои товарищи не имели при себе почти никакой другой одежды, кроме арестантской, да и та находилась в самом плачевном состоянии, то я с благодарностью воспользовалась распоряжением фирмы и в разных местах обращалась с просьбой выдать мне то известное количество ситцев, то более солидных материй, чтобы сколько-нибудь приодеть молодежь, идущую в неведомые им места – ведь в арестантских отрепьях не каждый хозяин и на работу к себе примет. Когда же мы водворились на «паузке» – вид большого плота с обширным крытым сараем на нем, без окон, но с широкими воротами и крышей, покатою настолько, что на ней можно не только сидеть, но и прохаживаться; внутри широкие нары с обеих сторон, но так как все арестанты на нарах не помещаются, то вторая половина партии устраивается под нарами и не гарантирована от того, что вода не подмочит и самого спящего, – нам, «политическим», был отведен отдельный «паузок». Уголовные же ехали на 2-х других, а на 4-м помещался конвой из 70 солдат и офицера. На носу паузка набросана земля и устроен очаг, всегда уставленный большими и малыми котелками от разных групп <...> Вопреки всем неудобствам, крайне стеснявшим все наши движения и требования, все мы чувствовали себя счастливыми после тюремного заточения и едкой пыли, у многих вызвавшей болезни глаз.

Погода была жаркая и сухая, но гористые берега Лены, покрытые тайгой, умаляли жару. За горами солнце позднее вставало и раньше заходило. Жара умалялась еще и тем, что все товарищи то и дело опускались в воду, кто держась за края паузка, а кто бросаясь в реку и догоняя флотилию, что есть мочи. Офицер с трудом разрешал такие упражнения – он все время боялся побегов, а относительно меня настолько был напуган высшим начальством, что первые дни держал меня под особым конвоем и никому не позволял подходить к моей телеге. Когда же товарищи запротестовали против такого постановления и уже собирались устроить «протест», я попросила к себе офицера и сказала ему: «Даю Вам слово, что если Вы не будете стеснять меня и моих товарищей в нашем общении, то Вы довезете нас до Якутска вполне благополучно». После этого конвой, окружавший меня, был снят, и общению нашему не было препятствий...

Когда же мы расположились на паузки, то сейчас же устроили мастерские. Нашлись и закройщики и подмастерья; снимались мерки, примерялись фасоны, – обмундировка шла успешно. Обшивали сначала тех, кто первый должен был выходить на берег в назначенный поселок. И таким образом, спускаясь по Лене, мы то и дело прощались и расставались с дорогими людьми...

Быстро успели все познакомиться, сблизиться, подружиться, не без того, конечно, чтобы мои три молодые спутницы не были предметом особого внимания со стороны молодежи. Можно было подметить много частых и длительных взглядов, перемен в выражениях лица, смотря потому, с кем чаще разговаривала та или другая красавица... Тем не менее, все девушки высадились по своим берегам еще свободными гражданками... Весело было!..

Но вот мы подъезжаем к Киренску, месту моих бедствий и нетерпеливых ожиданий: неприязненная полиция, равнодушный обыватель, – сдержанный и всегда сам себе на уме, – грязь и вонь на улицах захудалого городишка – все это не могло оставить приятных воспоминаний и я с предубеждением подъезжала к городу.

Но каково же было мое удивление, когда увидела, что весь высокий берег города усыпан в несколько рядов черными массами. Кто это? Почему собралась в таком неведомом для Киренска количестве? Оказывается, ждут бабушку Брешковскую...

Замахали шапками, платками, закричали приветствия, массой спустились вниз к воде и просили пропустить к барже, на которую нас только что пересадили. Но полиция предупреждала все желания и все овации. Она выставила вдоль баржи цепь своих стражников и не пропускала через них ни единой души. Когда же я увидела в толпе своего любимца, старого николаевского солдата, незабвенного моего П. П. Вишнякова, уже тронутого параличом после неумеренного потребления алкоголя, когда я увидела эту честнейшую благороднейшую натуру, устоявшую за 30 лет своей ссылки против соблазна золота и корысти, погубивших столько высокообразованных людей, – я не могла устоять против желания обнять своего друга, горячо меня любившего, и попросила офицера спустить меня на берег.

На костылях, едва передвигаясь, подошел ко мне старый солдат-сапожник, и мы обнялись с ним и посидели минутку, расспрашивая о житейском друг друга. Пробовали и другие подойти к нашей группе, но полицейские грозили разгоном всей публики, а потому мое свидание ограничилось одним Платоном.

Когда же я снова забралась на баржу, явился туда помощник исправника, поставил на палубе столик и принес длиннющий список вещей, оставшихся после меня в квартире.

– «Как прикажете поступить с этими вещами, извольте изложить Ваше желание на бумаге»...

Я писала, народ смотрел и продолжал махать шапками, платками, приветствовать поклонами. Молча, но торжественно все это происходило. А затем я встала, поклонилась в пояс во все стороны, и баржа наша тронулась, а вслед ей раздавались голоса привета и добрых пожеланий...

Я была очень тронута. Для меня была неожиданностью теплая встреча киренчан, которые видели меня всегда только издали, с которыми я едва перекинулась несколькими словами. За все три года моей жизни в городе, там выражали мне свое почтение люди, только такие же горькие пьяницы, как мой Платон, который, очевидно, и создал мне репутацию доброго народолюбца...

Чем дальше на север, тем реже поселения, безлюдные берега... Когда мы подъехали к деревне, размытой этой же весной страшным небывалым разливом Лены, когда остановились перед ней, чтобы высадить 2-х назначенных сюда на поселение товарищей, то при виде развалившихся изб, поломанных изгородей, валявшихся бревен, при полном отсутствии людей, – мы все жутко переглянулись и увидели, каким мраком подернулись лица двух обреченных... Молодой, здоровый Чиненов, только что отбывший 6 лет в Московских Бутырках, улыбнулся, встряхнул головой и промолвил: «Не пропадем!». Но его другой товарищ, грузин, тоже отбывший каторгу, с ужасом смотрел на развалины и повторял: «Нет, лучше в Якутку, в Якутку, в Якутку!».

Долго шли по берегу <...> и махали, пока не скрылся пароход, тянувший нашу баржу... Было очень грустно!..

А дальше пошли скалистые берега Лены причудливых форм, дающие богатую пищу воображению: замки, церкви, памятники, статуи, обелиски, пирамиды – все здесь высечено и выветрено из красного камня, где желтого, где светлого, где сероватого оттенка. Глаз оторваться не хочет от таких причудливых картин. Все стоят на палубе, смотрят, сравнивают, и нет конца замечаниям и наблюдениям.

Такое разнообразие длится двое суток и задолго до самого Якутска река все ширится и ширится, покрывается островками, большими и малыми, заросшими крупным лесом и кустами, больше кустами, а вокруг них полосы сенокоса. Кое-где якут со своей горбушей и его маленькая лодочка, и вот кричат: «Смотрите, – человек, человек, лодка, лодка!». Чрезвычайно пустынно! За весь наш месячный путь мы не видели ни одного зверя по берегам, не слышали крика птиц, не наблюдали рыбной ловли, и плыли одиноко, радуясь, если часом покажется труба встречного парохода и тогда выбегали на крышу паузка, а потом на палубу баржи, махали платками сами не зная кому и смеялись <...>

Якутск уже был извещен о моем приезде, и благодаря властям, всегда заботливо меня оберегавшим, и сама я писала Лид. Павл. Езерской еще из Иркутской тюрьмы.

Якутск расположен страшно неудобно – он отступает на 8 верст от реки и только в большую воду протоки подходят к городу и пароходы останавливаются у его набережной. Мы же приехали в июль месяц, когда вода уже низко упала, и чтобы добраться до пристани, надо было совершить или пешее путешествие, или нанимать извозчиков за страшно дорогую цену.

Нас подвезли к пристани уже в сумерки. Что это за черная масса на ней? – Это полиция и товарищи. Лид. Павл. в большой компании уже два дня приезжает встречать партию, а полиция – забрать в свои владения Брешковскую. Но полиция ошиблась: жандармов в Якутске нет, а потому там многого можно добиться, чего нельзя в других городах.

Л. П. выходит на середину пристани, берет меня под руку и громко вещает: «Брешковская едет со мной!». Экипаж нам подан, и распорядившийся полицмейстер уступает дорогу, просит ехать в город, но Езерская говорит: «Нет, она поедет со мной на дачу». И, сказав прочим товарищам: «До свидания у меня на даче», – сажает меня в коляску и велит извозчику трогаться.

Надо сказать, что Л. Павловна – высокообразованная, умная и решительная, – отбыла свой срок на каторге за убийство злодея губернатора Клингеля... Она ни в тюрьме, ни в ссылке не теряла ни своего апломба, ни своей привычки распоряжаться окружающей ее средой, умея всегда поставить себя на должную высоту. Ее уважали, ее любили, ее слушались. Жила она исключительно своим трудом, давая уроки языков и музыки.

Якутские дамы считали для себя большой честью знакомство с Лид. Павл... Высшая власть не позволяла себе нарушать ее спокойствия. Она никогда не просила за себя, но выручала очень многих своим влиянием на администрацию. Много побегов совершилось под прикрытием ее неуязвимо положения в городе. Кроме разнородной помощи, какую она могла оказать, и товарищеской среды, она личным примером своим много способствовала поддержке во многих душах... бодрости и... ответственности. При ней люди подтягивались, не давали воли своим страстишкам. Много наслаждения вносила она своей прекрасной музыкой, единственной в городе...

При всем этом Л. П. чувствовала себя глубоко неудовлетворенной: слишком узкое поле деятельности представлял г. Якутск, и она, страдающая неизлечимой астмой, просиживала холодные, темные вечера в бесконечные зимы, сидя одиноко у себя за роялем...

В Якутске было тогда человек 300 ссыльных. Много было и интеллигентных, и ремесленников. Они одни исключительно и обслуживали нужды города: репетировали и готовили детей в учебные заведения, имели мастерские всевозможных ремесел. Были среди них фотографы, содержавшие кинематографов, музыканты и служащие во всех торговых фирмах. Некоторые жили семьями, но большая часть были холосты и все мечтали о том, как вырваться из Якутска, несмотря на сносный заработок и постоянные взаимные отношения. У них были вечеринки; ходили друг к другу в гости, иногда ссорились, иногда мирились. И они, и обыватели Якутска знали, что с отсутствием их город лишится всех культурных сил. Так как в Якутске было все-таки множество чиновников, которые нуждались в наличности способностей и умений, какими обладали ссыльные, то эти последние отвоевали весьма сносное положение сравнительно с другими местами ссылки.

Полиция на многое смотрела сквозь пальцы еще и потому, что за отсутствием жандармов на нее некому было писать доносов, исключая местных клезуников вроде тамошнего вице-губернатора, служившего пугалом для всех.

Почему же люди тяготились так жизнью в Якутске? – Потому что печальнее окрестностей этого города, страшнее его зимы и отвратительнее его климата вообще трудно себе представить! Кругом голая, поросшая мхом или низкой травой низина, кое-где мелькнет малороссийский лесок... Уже в конце августа выпадает снег, морозы крепнут, зима жестокая, холод до 50 [градусов] наполняет воздух туманом застывшей влаги. Наступают короткие дни, солнце поднимается едва-едва на сажень от горизонта и тотчас же спускается тусклым пятном вниз.

Шесть месяцев тьмы, восемь месяцев нестерпимого холода, один месяц страшной грязи вместо весны, два месяца часто жаркого сухого лета и еще месяц глубокой липкой грязи.

Я приехала туда в середине июля. Уже ночи были холодные. Весь август стояли утренники; мокрый снег месил холодную грязь. Когда 11-го сентября я уезжала обратно в Иркутск, Лена уже начала замерзать, шла сильная шуга, и пароход с трудом пробивался через нее.

Чувства мои двоились, когда я оставляла Якутск. Темная зима пугала меня, холода грозили полным затворничеством, и я рада была не переживать предстоящего зла; но оставлять товарищей в этой темноте, в этом холоде, покидать милую, благородную душу Л. П., так тесно ко мне привязавшуюся и так волновавшуюся – все это огорчало и заставляло страдать меня. С Лид. Павловной мы уже вели общее хозяйство, и дни были полны нежной взаимной заботы. Она, измученная, стала как будто отдыхать, и вдруг опять одиночество! Астма и верная смерть на чужбине...

В Якутске я застала пакеты писем, газет и журналов – все от тех же моих американцев. Они уже направили сюда комплекты фуфаяк, теплых чулок, шапок, перчаток. Мария Ивановна выслала целый багаж из Иркутска, но на многие вещи я успела получить только повестки, и тюки ушли обратно в Иркутск, догоняя меня в этом направлении: двенадцать посылок пришло обратно туда...

Обратный путь был очень опасным. Пароход «Громов» мог каждую ночь замерзнуть во льдах, и машинисты всячески старались догнать его до Витима, там высадить меня и спешить к югу на более благоприятную зимнюю стоянку. Я готова была подвергнуться всяким случайностям, лишь бы уехать на юг, но никто из опытных путешественников не брался сопровождать меня в такое неустойчивое время. Когда река замерзает, по ней ехать нельзя никак, санного пути было не установить, а берегом пришлось бы ехать только верхом...

На мое счастье, тогда в большом селе Витиме жило семейство Сазоновых, и вечно ссылаемый Анатолий Владимирович Сазонов зимой занимал там должность заведующего делами фирмы Громовых, а жена его была прекрасная фельдшерица тамошней волостной лечебницы. Они приютили меня, и два месяца бездорожья я провела у них в самой здоровой и приятной обстановке. Были солнечные дни, было много снега, полная свобода, хорошие собеседники...

Из Киренска мне дал знать С. А. Борейшо, что он едет в Иркутск и готов взять меня с собою. Всегда и везде поднадзорная, я и на этот раз не могла ехать одна до Киренска, и меня сопровождал витимский полицейский надзиратель, человек добрый, оберегавший меня всю дорогу от неудобств и лишений. Я знала, что он хорошо относился к политическим ссыльным и всегда готов им служить, чем только может... Забыла его фамилию...

В Киренске мне дали провести только сутки. Исправник и вся полиция страшно боялись моего присутствия и каждые три часа осведомлялись – уехала ли я. На второй раз я повидалась с Владимировыми, Андреевым и со всеми теми, кто пострадал за участие в моем побеге. Владимировы и Андреев просидели в Киренской тюрьме целых два года. Повидалась я и с П. П. Вишняковым, который пришел из богадельни в новой рубаше и красном поясе, что я прислала ему еще из Иркутской тюрьмы. Это было наше последнее свидание. Месяца через три-четыре он умер.

Теперь я скажу, почему меня везли обратно в Иркутск. Оказывается, что М. И. Милашевская не только не перестала хлопотать обо мне, но и привлекла к этим хлопотам и Москву, и Петербург, и особенно А. Ф. Керенского. Эти общие усилия достигли, наконец, цели. Из Петербурга последовало распоряжение вернуть меня в Иркутск в распоряжение местного губернатора. Местному губернатору захотелось прежде всего снова посадить меня под арест, хотя на этот раз домашний.

Остановилась я у Милашевских и не успела переночевать, как уже у дверей моей комнаты стоял городовой. Это всех нас возмутило. Я и она обратились к генерал-губернатору Князеву жаловаться на такое бесчинство. Были приняты очень любезно, но добродушный старик с грустью заявил, что вся власть в руках жандармов, а губернатора и его велений никто не слушает.

Все-таки он добился того, что городовых поставили во дворе, а не в доме, и что мои прогулки должны сопровождать не городовые, а участковый надзиратель. Это было столь противно для меня, что я никуда не выходила из дома за исключением двух выходов к доктору, о чем предварительно нужно было извещать участок. Надзиратель ехал осматривать дом, в который я должна была войти, и затем только я могла попасть в приемную врача.

Пять месяцев муштровали они меня таким образом и всех тех, кто приходил в кв. Милашевских. Днем посетителей опрашивали к кому они идут, а вечером освещали их фонариками и снова допытывались «к кому?», «зачем?». Милашевские все это терпели из-за меня. М. И. добивалась, чтобы меня навсегда оставили в Иркутске и сняли стражу, а старик Князев, видя невозможность такого решения, просил Петербург, чтобы меня назначили в Минусинск, как наиболее теплое место в Сибири. Наконец, пришло распоряжение ехать в это привилегированное место ссылки, и 10 мая 1916 г. под конвоем двух приставов села я в вагон III класса и простилась с провожавшей меня М. И., деспотичной в своей привязанности к избранным ею людям: я ее боялась и слушалась. Милая женщина, умеющая любить беспредельно!..

Вот и Минусинск, место моего последнего пребывания в ссылке... Знойное, сухое, пыльное лето, растянувшийся деревянный город, похожий на большое село. С одной стороны довольно мутный рукав Енисея, с другой – степь с перелесками, с небольшими холмами, деревнями и деревушками. В них я не бывала, но в степь уходила далеко, версты на две-три.

В Минусинск ссылали преступников либо административных, либо по особому назначению, и я застала здесь состав людей интеллигентных, спокойно живущих на разных должностях и занятиях. Жили они между собой сносно, так как политикой почти не занимались – там некуда ее было применять.

Многие служили в кооперации, другие работали в газете, некоторых забрали на военную службу, многие жили уроками. Исправник относился без подозрений к своим поднадзорным и всех оставлял спокойно работать.

Общество старших к себе меня не тянуло, но меня тянуло к детям. В Минусинске я встретила много бедных вдов простого звания, живущих поденной работой, с целыми кучами детей по пять, шесть, даже 8 человек. С ними я подружилась и вошла в их интересы. Каждое воскресенье собирались у меня до двух дюжин ребятешек, и чего-чего только не переделывали: кар-

тинки, игры, работы – все пошло в ход. Нашлись декламаторы, разгадчики задач и загадок, «знатоки» французского и немецкого языка, наконец – заготовщики украшений на елку и просто шалуны и шалуньи. <...> А домишко мой стоял на окраине города, близ лесочка... <...> О своем многочисленном детском семействе я растрезвонила во все стороны, и посылались мне посылки из Москвы, из Питера, из Красноярска, из Иркутска и из самой Америки. Дети были довольны и я не меньше их. А к Новому году мы устроили такую большую красивую елку, что вся маленькая детвора была и принаряжена, и одарена, и веселилась, и восторгалась до поздней ночи. Эта елка составила эпоху в жизни бедных детей, ничего до сих пор не видевших. Уже потом, в Петрограде, я получала от них письма, полные восторженных воспоминаний.

Здесь в Минусинске я в первый раз стала получать из Америки большую социалистическую газету, предназначенную специально вопросам общественно-экономического характера и, кроме того, много прекрасных книг...<...> Как и все свои богатства книжные, я должна была оставить эти книги, не имея возможности забрать их с собой...

Ведь вся моя жизнь – это сплошное бродяжничество. Я могла иметь при себе лишь мешок с необходимыми вещами, а все, что составляло излишек – роскошь – оставлялось там, где оно накапливалось. То же было и с перепиской моей, – она разрознена пачками по всей Сибири и по всей России, там же и фотографии друзей и знакомых.

Что могла я иметь при себе, все дни рвавшаяся «на работу», вечно озабоченная «бегством». Ни адресов, ни портретов, ни писем – ничего я не могла удержать при себе, всегда лишенная всего, что дорого и мило.

Так и живу весь свой век нищей!

Political Exile to Eastern Siberia in E. K. Breshkovskaya's Memoirs (on Materials of SARF). Part 2

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

The presented article forms part of E. K. Breshkovskaya's memoirs, notorious nationalist later social-revolutionist. Her essays were written at the end of 1920-s and had never been edited before. In her memoirs Breshkovskaya thought back her exile to the Eastern Siberia in 1910–1917-s. The original handwriting is held in the funds of the State Archive of Russian Federation (SARF).

Key words: political exile, Kirensk, Yakutsk, Irkutsk, stage, colonies of exiled people, relations with Russia.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, 664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 26, тел. 8(3952)343234, e-mail: sovet@penpolit.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, 5-th Army st., 26, phone 8(3952)343234, e-mail: sovet@penpolit.ru